

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

«Ты — вечности заложник у времени в плену», — эти слова Б. Л. Пастернака, обращенные к художнику, очень точно выражают глубинные основания и внутренне противоречивую природу вообще всякого истинного творчества. Но, может быть, с особенной силой подлинный смысл этих слов раскрывается в отношении Михаила Юрьевича Лермонтова — великого русского поэта, знаменательный 200-летний юбилей которого мы отмечаем в уходящем 2014 г. Время и вечность — основные мотивы лермонтовского творчества, можно сказать, онтологические константы его художественного мира. Изначально главенствующая в творчестве поэта «генеалогическая лирика» с ее «духовной памятью» (Л. В. Пупянский) и платоновским анамнезом со временем вытесняется более конкретной социальнo-исторической темой (стихотворения «Смерть поэта», «Дума», «Родина», роман «Герой нашего времени»). А это только доказывает, что именно дышащая «почва и судьба», органическое вживание в конкретно-историческую эпоху (срок пребывания Лермонтова в литературе вообще достаточно краток — 1836–1841 гг.) позволили художнику пусть не до конца, но все-таки в значительной мере реализовать свой творческий потенциал, снискав славу достойного преемника Пушкина, продолжателя его великого дела в отечественной культуре.

Однако, в отличие от Пушкина, Лермонтов до сих пор остается во многом необъясненной, загадочной фигурой. Облик его как поэта и человека всякий раз удваивается при попытке разгадать его тайну, постоянно ускользает от однозначного определения. То он принимает вид врубелевского Демона, взирающего гордо и отчужденно со своих горных, заоблачных высот, то вдруг неизъяснимым образом представляется по-будничному просто, как на рисунке барона Д. П. Палена: усталый воин после Валерикского сражения, грустные глаза, небритое лицо, чуть вздернутый, по-русски курносый нос, фуражка помята, ворот сюртука расстегнут. Загадка такой аберрации заключается в том, что и отверженный герой-демонист, поражающий своей сверхчеловеческой иронией, и опрошенный тип «кавказца»,

удивительно напоминающий героев «Валерика» и «Завещания», и тот и другой — Лермонтов. Это две половинки сложного и внутренне противоречивого образа, которые только в своем взаимодействии, живом и органическом единстве могут приоткрыть тайну лермонтовского лица.

В серьезном исследовании нуждается еще один вопрос — о месте и роли Лермонтова в историко-литературном процессе, точнее, о м и с с и и х у д о ж н и к а в русской культуре. «С Пушкина все началось, а пошло — от Гоголя», — писал А. Ремизов. Но, как показывает опыт философской и литературно-критической рефлексии истекших двух веков, пожалуй, самое важное и знаменательное в русской культуре Нового времени пошло именно от Лермонтова, и прежде всего — проблема личности с ее пафосом духовно-религиозных исканий, а также формами «внутреннего», аналитического психологизма и напряженным, достигающим почти трагического накала чувством персонализма. Как художник «одинокий и социальный», Лермонтов соединил, казалось бы, противоположные пути поэзии Некрасова и Блока, одновременно отвечая принципам «диалектики души» Л. Толстого и «фантастического реализма» Достоевского. Об этом же свидетельствует поистине магическое влияние Лермонтова-художника на культуру Серебряного века, когда, по меткому выражению Мандельштама, «над нами волен Лермонтов — мучитель наш».

Нет никакого сомнения в том, что воздействие поэта продолжается и в наши дни, ибо в согласии со своей природой истинный художник, преодолевая плен времени, неизбежно выступает «заложником вечности».